

УДК 821.112.2

**«ЗАМЕТКИ» Э. КАНЕТТИ
В КОНТЕКСТЕ АВСТРИЙСКОЙ АФОРИСТИКИ**

© 2011 г.

Н.Ф. Зиганишина

Елабужский государственный педагогический университет

neilja@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.03.2011

Рассматриваются «Заметки» Э. Канетти в контексте основных традиций австрийской афористики: проблема национальной идентичности, открытость другим культурам, склонность к метаморфозам, проблема языковой рефлексии, «женский вопрос», афористичность мышления, система символов и др.

Ключевые слова: Элиас Канетти, «Заметки», австрийская афористика, языковая рефлексия, афористичность мышления, метаморфозы.

Австрийский писатель Элиас Канетти (1905–1994), удостоенный Нобелевской премии за роман «Ослепление», на протяжении более пятидесяти лет вел ежедневные записи, которые позднее опубликовал под названием «Заметки» («Aufzeichnungen») в книгах: «Провинция человека. Заметки 1942–1972», «Тайное сердце часов. Заметки 1973–1985», «Мушиные мухи. Заметки». Остальные книги появились после смерти писателя: «Дополнения из Хампстеда. Из заметок 1954–1971», «Заметки 1992–1993», «Заметки 1973–1984», «Заметки 1954–1993», «Заметки для Мари-Луизы». Известно, что в настоящее время в архиве писателя в Цюрихе ждут своего часа сотни неопубликованных заметок.

В одном из наиболее часто цитируемых выражений: *«Великие авторы афоризмов читаются так, будто все они хорошо знали друг друга»* [1, с. 258] Канетти указал на отличительную особенность поэтики афористических высказываний, а именно на то, что жизненный материал переносится в такую языковую форму, при которой афоризм, в основе которого время и личность автора, трансформируется в универсальное и обобщенное высказывание, не скованное временем и пространством. То есть, по мнению писателя, при создании афоризмов, в поисках идеальной формы необходимо ориентироваться на опыт предшественников, на лучшие образцы афористичных произведений.

Интертекстуальность малой прозы Канетти, наличие реминисценций не вызывает сомнений, другие тексты присутствуют на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах, тексты предшествующей культуры и тексты

окружающей культуры, благодаря чему «Заметки» предстают как «семейный альбом мировой литературы» [2].

В истории австрийской литературы Канетти занимает неоднозначное положение. С одной стороны, ему удалось избежать национальной ограниченности мышления. С другой стороны, к венскому периоду с 1924 по 1938 годы относятся решающие события в личной и творческой жизни писателя, Австрия стала духовной родиной Канетти. Поэтому выявление формальных и содержательных особенностей, связывающих «Заметки» с австрийской афористикой, представляет особый научный интерес.

В современном литературоведении не подвергается сомнению правомерность использования таких понятий как «австрийский роман», «австрийская драма» и «австрийская лирика», признается своеобразие поэтики данных явлений в контексте мировой литературы. Однако вопрос о легитимности понятия «австрийский афоризм» до недавнего времени оставался открытым.

Универсальность структуры, стремление к обобщению, бессистемность и многообразие афоризмов затрудняли выделение признаков национальной идентичности. Например, если в знаменитом афоризме венского профессора Йозефа Унгера (Joseph Unger) *«Австрия – это страна, в которой обычно происходит то, что кажется невозможным»* (перевод мой – Н.З.) (*«Österreich ist ein Land, in dem, was unmöglich ist, zu geschehen pflegt»*) [3] подставить название любой другой страны (Россия, Польша и пр.), то изменится адресат, но не структура или поэтика высказывания.

Австрийская афористика не может рассматриваться как линейно развивающаяся история жанра, поскольку длительное время афоризм оставался побочным явлением в творчестве писателей. У истоков австрийской школы афористики стояли Грильпарцер, Ленау, Хальм, Нестрой, Анценгрубер. Однако было бы не совсем верно называть их афористиками, так как они создавали афоризмы интуитивно, в контексте других произведений – дневников, эссе и пр. Позднее издатели выбирали из этих произведений отдельные афоризмы и публиковали их в форме антологий.

Первое произведение, изначально написанное в жанре афористики, вышло в 1879 году и принадлежало перу М. фон Эбнер-Эшенбах. Своего расцвета афористика достигла в эпоху Венского модерна, когда появилась целая плеяда выдающихся писателей: П. Альтенберг, А. Шницлер, Р. фон Шаукаль, Х. фон Гофманн-сталь, К. Краус, Р. Касснер и Ф. Эбнер и позднее Ф. Кафка, Х. фон Додерер, и пр. Творчество каждого из перечисленных писателей уникально и, как следствие, отношение Канетти к каждому из них было неоднозначным, однако мы можем выделить общие признаки, отражающие своеобразие австрийской афористики и повлиявшие на «Заметки».

Политические события первой половины XX века привели к обостренным размышлениям писателей о судьбе и месте Австрии в мировой истории. Канетти неоднократно обращался к этому вопросу, так в 1994 году во время Балканской войны он сделал следующую запись: *«Слово, прежде начальное слово Первой мировой войны, а сейчас заключительное слово столетия. Не нужна была даже атомная бомба. Оно само справилось. Не с востока пришла беда. Она пришла из старой Австрии»* (перевод мой – Н.З.) (*«Das Wort, früher das Keimwort des Ersten Weltkriegs und jetzt das Endwort des Jahrhunderts. So war die Atombombe überflüssig. Es hat von selbst gereicht. Nicht aus dem Osten kam das Unglück. Es kam aus dem alten Österreich»*) [4].

Важной особенностью австрийской культуры на протяжении многих веков была открытость, восприимчивость к культурам других народов, «многоголосие». Для Канетти, которого с полным правом можно назвать «гражданином мира» это было особенно актуально: *«Величайшее духовное искушение моей жизни, единственное, с которым мне приходится вести тяжелую борьбу, таково: быть вполне евреем. (...) Отгородиться от русских, потому что существуют евреи, от китайцев, потому*

что они далеко, от немцев, потому что дьявол обуял их? Разве не могу я и впредь принадлежать ко всем, как и прежде, и все же быть евреем?» [1, с. 261].

Австрийской литературе, особенно в первой половине XX века, свойственно ощущение зыбкости, тревожности, предчувствия перемен. Авторы афоризмов стали первыми, кто смог уловить импульсы эпохи: *«Милый друг, я не костыль для парализованных, я – крыло для идущих, чтобы они могли парить!»* (перевод мой. – Н.З.) (*«Lieber Freund, ich bin keine Krücke für die Lahmen, ich bin ein Flügel für die Gehenden, daß sie schweben können!»*) [5]. Н.С. Павлова считает, что общественные потрясения стали освободительными для литературы: «Нетвердость рождает способность к превращениям, зыбкость скрывает в себе положительный смысл. (...) Здесь не только суровая историческая действительность, но и художественная игра, и не умирающая в творчестве австрийских писателей склонность к метаморфозам, и понимание самой природы реальности как богатства возможностей» [6].

Превращение стало постоянной темой в австрийской литературе, а для Канетти превращение – это истинная, едва поддающаяся описанию сущность всего творчества: *«Плохие поэты стирают следы превращений, хорошие – открыто демонстрируют их»* [1, с. 262]. Тема неприятия смерти, которая занимает центральное место в «Заметках», также связана с превращением. Все, что, по мнению Канетти, способствует смерти, а именно война, религия, власть, наука, система, возраст, вызывает непримиримый протест писателя. Понимая невозможность отмены физиологической смерти, по крайней мере, на данном этапе развития медицины, Канетти ищет возможности вечной жизни в слове, литературе, музыке, имени, животных, детях, то есть посредством различных «превращений». Канетти признавал, что он лишь приблизился к пониманию сущности механизма превращения: *«Я думаю, что мне удалось найти ключ к превращению и вставить его в скважину, но я не повернул ключ. Дверь закрыта, нельзя попасть внутрь. С этим будет еще много хлопот»* [7]. Причем, для современного писателя, по мнению Канетти, умение быть «хранителем превращений» является наиболее необходимым качеством [8].

Австрийскому самосознанию традиционно свойственны недоверие к грандиозному, приверженность эмпирике жизни, «вещность»: *«Истина – это море травинки, колыхающееся под ветром; она хочет, чтобы ее ощущали как*

движение, втягивали как дыхание. Скала она лишь тому, кто не чувствует ее, не дышит ею; такой может в кровь биться о нее головой» [1, с. 260]. В отличие от немецких писателей, которые стремились к поиску высшего смысла, символичности, австрийские авторы сосредоточены на реальности, видят внутреннюю связь вещей и явлений: «В литературе важно, чтобы о многом умалчивалось. Должно чувствоваться, насколько больше известно умалчиваемому, чем он говорит, и что молчит он не из ограниченности, а от мудрости» [9, с. 323].

Афоризм давал авторам иллюзию возможности заключить тотальность мира в одном предложении, что нашло обоснование в получившей широкое распространение теории Л. Виттгенштейна. На протяжении длительного времени «языковой вопрос» был основным для австрийских писателей, парадоксальным образом язык стал инструментом интеграции в многонациональной империи и, в то же время, причиной межнациональных конфликтов. Проблема языковой рефлексии, критика небрежного использования языка, связь языка и власти, трудности вербальной коммуникации – все эти темы, актуальные для австрийских писателей, стали постоянными и в «Заметках» Канетти: «Что касается языка, то ты святоша. Он для тебя неприкосновенен. В тебе вызывают отвращение даже те, кто его исследует» [9, с. 357]. Отношение к языку у Канетти и Крауса было глубоко моральным, от своих современников они отличались отсутствием языкового скепсиса, они не подвергали сомнению выразительные способности языка, они критиковали применения языка, неверное употребление слов современниками.

Канетти пошел дальше К. Крауса, ответственность, обостренное языковое сознание вызывают у него острейшую критику по отношению к собственным произведениям: «Говорить так, будто это последняя дозволенная тебе фраза» [1, с. 287] или «Литература как профессия – разрушительна: следует иметь больше страха перед словами» [1, с. 267].

Одним из наиболее типичных для Венского модерна стал так называемый «женский вопрос», получивший развитие в учении З. Фрейда, что отразилось на содержании литературных произведений. Писатели отказались от романтического обожествления женщины, их больше интересовали такие вопросы как внутренние комплексы, вербальная сексуальность, роль женщины в обществе и в семье, права женщин. К. Краус в данном вопросе избегал абстрактных слов, а приводил конкретные примеры: «Язык

решает все, даже женский вопрос. То, что имя женщины не может употребляться без артикля, это аргумент против равноправия. Если в каком-нибудь сообщении говорится, что «Мюллер» выступил за избирательное право женщин, то, скорее всего, речь идет о феминисте, а не о женщине. Даже самой эмансипированной нужен артикль» (перевод мой – Н.З.) («Die Sprache entscheidet alles, sogar die Frauenfrage. Daß der Name eines Weibes nicht ohne Artikel bestehen kann, ist ein Argument, das der Gleichberechtigung widerstreitet. Wenn es in einem Bericht heißt, „Müller“ sei für das Wahlrecht der Frauen eingetreten, so kann es sich höchstens um einen Feministen handeln, nicht um eine Frau. Denn selbst die emanzipierteste braucht das Geschlechtswort») [10]. Канетти редко обращался к данной теме, но, все же, время от времени делал некоторые записи, например: «Лондон после Марракеша. Он сидит в одном зале с десятью женщинами, расположившимися за несколькими столиками; их лица непокрыты. Легкое возбуждение» [1, с. 282].

Афористичные произведения каждого из австрийских писателей отличает система символов, которые зачастую не имеют рационального толкования, но отражают основную проблематику эпохи. По мнению В. Зусмана, Канетти отчасти заимствовал специфичный словарь Кафки: «власть», «страх», «равнодушие», «Бог», «грехопадение» и, конечно, «превращение» [11].

Большинство австрийских писателей, за исключением К. Крауса, для которого афоризмы были средством пропаганды своих общественных идей, не следовали классической теории афоризма, они писали их интуитивно, не ставя перед собой цели опубликовать их. Например, афоризмы Х. фон Додерера изначально были записями в дневнике, П. Альтенберг признавался, что никогда не задумывался о жанровой основе своих заметок, сидя в кафе, он просто набрасывал фельетоны для газет. Канетти избегал использования термина «афоризм» в отношении своих записей и не считал себя афористиком, однако для исследователей его творчества очевидна внутренняя, духовная связь писателя с этим литературным жанром. Афористичность мышления характерна для творчества всех австрийских писателей первой половины XX века. Вопрос о причинах данного явления находится за границами литературоведческого анализа и кроется в истории и менталитете народа.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что Канетти, опираясь на опыт лучших

представителей австрийской афористики, но без фанатизма к кому-либо из них, продолжает заложенные традиции, совершенствует свой уникальный стиль и выступает новатором для своего времени.

Список литературы

1. Канетти Э. Заметки 1942-1972: Пер. С. Власова // Человек нашего столетия: Пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Комментар. Р.Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 250–309.

2. Engelmann S. Babel-Bibel-Bibliothek. Canettis Aphorismen zur Sprache // Epistemata Würzburger wissenschaftliche Schriften, Reihe Literaturwissenschaft. 1997. Band 191. S. 108.

3. Österreich Brevier. Aphorismen und Zitate von Altenberg bis Zweig. Hrsg. von Hans-Horst Skupy. Wien, 1983. S. 169.

4. Canetti E. Aufzeichnungen 1992–1993. München: Carl Hanser Verlag, 1996. S. 79.

5. Altenberg P. Fechsungg. Berlin, 1918. S. 258.

6. Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 310–311.

7. Canetti E. Die Provinz des Menschen. Aufzeichnungen 1942–1972. München: Carl Hanser Verlag, 1999. S. 251.

8. Канетти Э. Призвание поэта / Пер. С. Власова // Человек нашего столетия: Пер. с нем./ Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Комментар. Р.Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 134.

9. Канетти Э. Тайное сердце часов. Заметки 1973–1985 / Пер. С. Власова // Человек нашего столетия: Пер. с нем. / Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Комментар. Р.Г. Каралашвили. М.: Прогресс, 1990. С. 310–358.

10. Kraus K. Schriften // Hrsg. von Christian Wagenknecht, Bd. VIII. Aphorismen. Frankfurt am Main, 1986. S. 185.

11. Susmann W. Canetti und Kafka // Ein Dichter braucht Ahnen. Elias Canetti und die europäische Tradition. Akten des Pariser Symposiums 16-18.11.1995. Hrsg. von G. Stieg u. J.-M. Valentin. S. 169.

ELIAS CANETTI'S «AUFZEICHNUNGEN» IN THE CONTEXT OF THE AUSTRIAN APHORISTICS

N.F. Ziganshina

Elias Canetti's book «Aufzeichnungen» is considered in the context of the main traditions of the Austrian aphoristics: the problem of national identity, openness to other cultures, propensity to metamorphoses, the problem of language reflection, "women's issue", aphoristic nature of thinking, system of symbols, etc.

Keywords: Elias Canetti, «Aufzeichnungen», Austrian aphoristics, problem of language reflection, aphoristic nature of thinking, metamorphoses.